

«БОГ МИРА И ЛЮБВИ ДА БУДЕТ ВСЕГДА СРЕДИ НАС!»: АРХИМАНДРИТ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН) И ЕГО «ПИСЬМА ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ»

Олег Викторович Никитин

*Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации
Государственного университета просвещения (Россия)
olnikitin@yandex.ru ORCID: 0000-0003-2815-6691*

DOI: 10.54700/c3de6h57

Аннотация. В статье представлены историко-культурные и филологические размышления автора об эпистолярной архимандрита Иоанна (Крестьянкина) и анализ его «Писем из заключения», куда вошли материалы следственного дела, послания времени ссылки (1950–1955) и в заключительной части — воспоминания В. Р. Кабо «Свободный дух». Самый большой объем документов составили письма из Каргопольлага, где отец Иоанн провел в заключении первых три года. В них показана бытовая и духовная атмосфера лагерной жизни, обнажены нравственные качества личности узника: смиренномудрие, веротерпимость, духовная стойкость, высокая человеческая культура, сострадателность, желание прийти на помощь незнакомым и близким людям, педагогический талант. Особое внимание уделено рассмотрению эпистолярной отца Иоанна в контексте формирования авторского идиостиля в светской коммуникации. Говорится о том, что, находясь в суровых условиях, он оставался верен Божиим заповедям и жизненным принципам, был, по сути, исповедником и наставником духовных чад. Письма свидетельствуют о глубокой вере отца Иоанна, силе данной ему благодати, открытости людям и боголюбию. Он постоянно совершенствовался в духовной практике и просвещении (читал Евангелие и другие книги, просил прислать «Журнал Московской Патриархии» и др.), активно передавал свой духовный опыт ученикам. Характеризуется языковая личность отца Иоанна: приводятся черты его писательской манеры, отмечаются типичные слова и выражения, стилеобразующие детали

эпистолярная. «Письма из заключения» содержат достоверную информацию по истории Русской Церкви 1950-х гг., являются уникальным источником духовной жизни советского времени, дают живой портрет одного из самых ярких исповедников XX–XXI вв. — архимандрита Иоанна (Крестьянкина).

Ключевые слова: архимандрит Иоанн (Крестьянкин), история Русской Церкви, духовный опыт, следственное дело, Каргопольлаг, Гаврилова Поляна, эпистолярный, идиостиль, языковая личность.

Для цитирования: Никитин О. В. «Бог мира и любви да будет всегда среди нас!»: архимандрит Иоанн (Крестьянкин) и его «Письма из заключения» // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2025, № 3 (15). С. 137–159. DOI: 10.54700/c3de6h57

«MAY THE GOD OF PEACE AND LOVE ALWAYS BE AMONG US!»: ARCHIMANDRITE IOANN (KRESTYANKIN) AND HIS «LETTERS FROM IMPRISONMENT»

Oleg Viktorovich Nikitin

Habil. Doctor of Philology, Professor,

Professor of the Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, Federal State University of Education (Russia)

olnikitin@yandex.ru ORCID: 0000-0003-2815-6691

DOI: 10.54700/c3de6h57

Abstract. The article presents the author's historical, cultural and philological observations on the epistolary of Archimandrite Ioann (Krestyankin) and an analysis of his "Letters from Imprisonment", which includes materials from the investigative case, messages from the time of exile (1950–1955) and the memoirs by V. R. Kabo "Free Spirit". The largest part of documents consisted of letters from Kargopolag, where Father Ioann spent the first three years in GULAG in Arkhangelsk region. They show the everyday and spiritual atmosphere of camp life, expose the moral qualities of the

personality of the prisoner: humility, religious tolerance, spiritual fortitude, high human culture, compassion, the desire to help strangers and loved ones, pedagogical talent. Special attention is paid to the consideration of Father Ioann's epistolary in the context of the formation of the author's idiosyncrasy in secular communication. It is said that, being in harsh conditions, he remained faithful to God's commandments and principles of life, in fact he was a confessor and mentor of his spiritual children. The letters testify to Father Ioann's deep faith, the power of his grace given to him, openness to people and love of God. He was constantly improving in spiritual practice and enlightenment (he read the Gospel and other books, asked for the "Journal of the Moscow Patriarchate", etc.) and actively passed on his spiritual experience to his students. The linguistic personality of Father Ioann is characterized as follows: the features of his writing manner are given, the typical words and expressions, the stylistic details of the epistolary are noted. The "Letters from Imprisonment" contain reliable information on the history of the Russian Church in the 1950s. The analyzed book is a unique source on the spiritual life of the Soviet era. It provides a vivid portrait of one of the most prominent confessors of the 20th–21st centuries — Archimandrite Ioann (Krestyankin).

Keywords: Archimandrite Ioann (Krestyankin), history of the Russian Church, spiritual experience, investigative case, Kargopolлаг, Gavrilova Polyana, epistolary, idiostyle, linguistic personality.

For citation: Nikitin O. V. "May the God of Peace and Love always be among us!": Archimandrite Ioann (Krestyankin) and his "Letters from Imprisonment" // Sretensky Word. Moscow : Sretensky Theological Academy Publ., 2025. No. 3 (15). Pp. 137–159. DOI: 10.54700/c3de6h57

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) — уникальное явление духовной культуры XX в. Старец великого и смиренного подвига, он в годы лихолетий не отрекся от веры. Силой духа этот исповедник Божиего слова, объявленный «врагом народа», возжигал неугасимую лампаду в душах и сердцах несчастных христиан, делая их пребывание порой в нечеловеческих условиях более терпимым, с надеждой о неослабевающей любви к Господу (подробнее биографию, в том числе и периода ссылки, см.: [Смирнова 2015]). Отец Иоанн в 1950-е гг. находился в заключении в одном из «учреждений» ГУЛАГа Архангельской области — Каргопольлаге, а затем в лагере

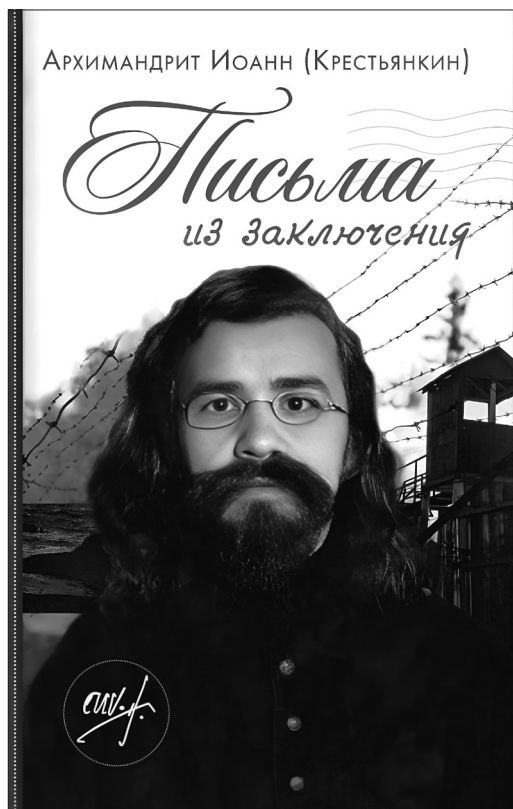

Фото 1 | Обложка книги архимандрита Иоанна (Крестьянкина)
«Письма из заключения»

для инвалидов — Гавриловой Поляне под Куйбышевом (ныне г. Самара). Теперь эти факты стали известны благодаря публикации и изучению его личного дела [Андрей (Коротков) 2023] и писем того времени.

Перед нами необычная летопись лагерной жизни отца Иоанна (**Фото 1**). Такую книгу читать непросто. Еще сложнее осмысливать ее содержание, за которым встают живые судьбы простых людей и общественные события, проступающие между строк. И в центре — призывающий «на всех нас Божие благословение» «недостойный иерей Иоанн». Узник совести — так потом будут писать о мучениках за веру, правду и достоинство. «Каждый день заключение отца Иоанна — это страдания, исповедничество и бесценный духовный опыт...» [Иоанн (Крестьянкин) 2023а: 6] — такими словами завершается «Предисловие» к книге ее составителя А. Горюновой и начинается историческая эпопея Божиего ратника.

Глава 1 «Арест и следствие» раскрывает материалы дела, сфабрикованного на иерея Иоанна Крестьянкина, который был арестован в ночь с 28 на 29 апреля 1950 г. (11 апреля ему исполнилось 40 лет). До ссылки он служил в Москве, в Измайлове, в храме Рождества Христова. В постановлении об аресте говорилось о том, что «КРЕСТЬЯНКИН И. М. является антисоветски настроенным церковником», который «систематически открыто распространяет клеветнические измышления на советскую действительность», выдает «себя за “прозорливого” и “исцелителя”», «группирует верующих и особенно молодежь, которых обрабатывает в реакционном направлении, разжигая в них религиозный фанатизм» [Там же: 11–12]. Во время следствия отец Иоанн содержался в тюрьмах на Лубянке и в Лефортове. Стандартные, наполненные казенными фразами протоколы допросов священника, попытки привлечь его к ответу «за конкретные преступления антисоветского характера» наталкивались на твердость духа и честность пастыря: «Я следствию буду показывать только правду. Однако о проводимой мною антисоветской работе рассказать ничего не могу, т. к. я не могу вспомнить таких фактов в моих действиях и поступках, которые могли бы быть расценены как преступления» [Там же: 12]. Он знал, что «и священник Д. Я., и диакон В. Я. дали на него обвинительные показания как свидетели» [Там же: 16] — ведь они служили в одном храме... И простил их.

Мы не знаем многих обстоятельств содержания отца Иоанна в тюрьме и можем только предполагать, какие методы давления использовала власть. Ночные допросы, очные ставки, угрозы, психологические и часто физические истязания — через все эти муки проходили политзаключенные. «Кажется, что за первые сутки ареста батюшка постарел не меньше чем на десять лет» [Там же]. Приведем фрагмент одного из ответов отца Иоанна на вопросы следователя: «Я призывал прихожан церкви, чтобы они были тверды в вере, не боялись жизненных испытаний за свою веру, не обольщались земными благами, а всегда помнили о загробной жизни и спасении души, иначе большой ответ придется нести пред Богом. В своих проповедях я призывал верующих не посещать кино и театров, всевозможные увеселительные места...» [Там же: 21]. Слова священника звучали как исповедь перед Спасителем. Он не боялся говорить о том, что неоднократно венчал «молодых людей, которые до этого жили не венчанными и ничего общего с религией не имели» [Там же: 23]. После череды очных ставок, показаний свидетелей, попыток выбить из подсудимого имена тех, кого он

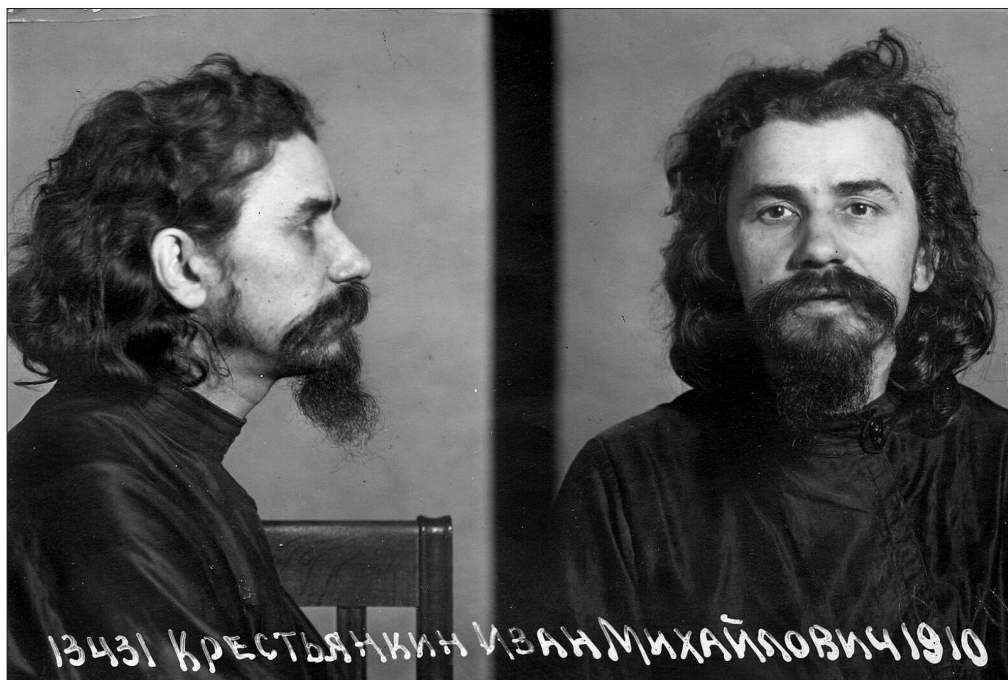

Фото 2 | И. М. Крестьянкин. Фотография из следственного дела.
1950, Москва

приводил к Богу и приобщал к Церкви, следствие завершилось 6 сентября 1950 г. вынесением приговора: «КРЕСТЬЯНИКИНА Ивана Михайловича за антисоветскую агитацию заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на СЕМЬ лет» [Там же: 42] (Фото 2).

Письма отца Иоанна из Каргопольлага составляют вторую главу книги «Каргопольский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа» — самую трагическую страницу в биографии священника, но исполненную светлых побуждений, живой веры в Господа, помощью своим соплеменникам добрым советом, лекарствами, пропитанием, одеждой <...> В тяжелейших условиях барачного быта в архангельской глуши он проявлял свои лучшие качества христианина и просто порядочного человека. В посланиях этого периода очень часто звучат такие слова: «Я снова дерзаю обращаться к вам со своей очередной просьбой выслать мне след[ующее]: <...> 2. Самое радик[альное] лекарство, облегчающее болезненное состояние организма при весьма повыш[енном] кров[яном] давлении, и порошки от гол[овной] боли, а также наружн[ое] от ревматизма. Все это крайне необходимо для

лечения одного больного...» [Там же: 50]. Кажется, что отец Иоанн помогал всем и радел душой за каждого страдальца. Его духовные дети передавали ему «краски для художника», «струны для гитары», «желуд[очный] сок» (лекарство), даже словарь [Там же: 54–55], а еще писчую бумагу, линейки, канцелярские принадлежности, сапоги для начальника <...> Он в прямом смысле *врачевал* страждущих, поднимал, возвышал их дух: «Убедительно прошу, если возможно, срочно, выслать по просьбе больного такое же количество пенициллина, какое вами высылалось первый раз. Укажите ст[оимо]сть» [Там же: 76].

Бытовая сторона в его письмах, на первый взгляд, самая заметная. Но если вчитаться в них, то станет понятно, что это лишь фон, как бы прикрывающий подлинный облик отца Иоанна. Он выступает в посланиях прежде всего как пастырь, заботливый отец, исповедник, учитель: «Шлю вам, дорогие мои, Божие благословение и любовь. Взаимно приветствую вас с великаторжественным Праздником Богоявления с присоединением наисердечных Новогодних пожеланий» [Там же: 62]. Священник Павел Сержантов считает, что духовное наследие отца Иоанна выходит за границы ординарной духовной практики и может рассматриваться как продолжение исихастской традиции, что позволит «выявить имплицитные аскетические смыслы в его пастырских наставлениях» [Сержантов 2025: 53] и осмыслять их, равно как и наши письма из заключения, в духе традиций отшельников Древней Церкви. Эта «умно-сердечная молитва» у него присутствовала везде, когда он общался с своими духовными чадами, окормляя их своей любовью.

О себе же отец Иоанн почти всегда писал кратко: «Я здоров. Все благополучно. Делайте все необходимое для себя и не торопитесь» [Иоанн (Крестьянкин) 2023а: 63] (из письма 1951 г.). Или так: «Я по-прежнему благодушествую в немощах своих и за все благодарю Господа» [Там же: 152] (из письма 1952 г.). Многие его послания содержали отсылки к Священному Писанию: «Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы (Еккл 7, 20)», и пояснение, как следует поступить в той или иной ситуации: «Поэтому не на всякое слово, которое говорят, обращать внимание надо, потому что слова благоразумного человека — благодать, а уста безрассудного губят его же» [Там же: 65].

Видя заботу о нем близких, отец Иоанн понимал, чего это им стоило (не только в материальном плане), и старался ограничивать их в желании

сделать большее для него: «Отказывая себе в необходимом, вы присылаете мне то, без чего я вполне могу скромно жить. Вам хорошо известно о том, что я с самых первых, еще юношеских лет усердно тружусь и всегда, довольствуясь своим честным трудовым заработком, не позволяя себе ничего лишнего сверх требуемого для поддержания физ[ической] жизни. Я всегда стремился помогать другим, чем только мог, и при этом сам всячески избегал того, чтобы жить за счет труда других. Такова моя принципиальная жизненная установка, и я искренно желаю держаться ее до конца дней своей жизни, если в этом деле поможет мне Господь» [Там же: 71]. Увещевания отца Иоанна своим духовным детям и крестникам о том, чтобы они не злоупотребляли «своей искренне преданной христ[ианской] любовью <...> и моим долготерпением», звучат и в других посланиях. Он лишь намеками подсказывал близким, что обстоятельства его «узничества» тоже требуют послушания и «установленного графика отпр[авки] пос[ылок]»: «...у меня имеются на этот счет весьма серьезные основания (известные только мне одному), которые вы, мои милые, никак не хотите учесть, благодаря незнанию всех условий моей настоящ[ей] жизни» [Там же: 84]. И далее он предостерегал их от неразумных поступков, которые могли повлечь за собой неприятности: «Никогда не забывайте о том, что расточительность и зависть причиняют постоянный страшный вред людям. <...> Надо понимать все. Остерегайтесь сеять соблазн вообще, а особенно среди людей, зараженных чувством зависти и недоброжелательства к своим ближним. Будьте ко всему внимательны, а моим добрым отеческим советам послушны» [Там же].

В письмах отец Иоанн выступал не только как пастырь духовный, но и как тонкий педагог. Он давал вроде бы совсем простые советы — сильные по Божественному откровению. Особенно трогательны строки, обращенные к детям:

«Дорогой юный друг Левочка!

Шлю тебе, мой милый мальчик, Божие благословение, обнимаю тебя своею любовью и нежно целую. <...> Люби Господа всею душою, всем сердцем и всем разумением своим. <...> Каждый день с особой любовью и благоговением читай Святое Евангелие. Да возгорится еще более и сильнее в твоём чистом детском сердце светильник веры, зажженный Самим Господом, и да даст Он тебе разумение во всем! <...>

Всех люби! Никого не осуждай! Не будь побежден злом, но побеждай добром (Рим 12, 21). Чаще утешай мамочку пением. Береги свое здоровье.

Планомерно распределяя как часы своих учебных занятий, так и часы своего отдыха. Не ленись. "Лень — мать всех пороков". Молись и трудись. Приобретение глубоких знаний всегда достигается упорным трудом. <...>» [Там же: 85].

Очень интересны и практически ценны наставления отца Иоанна, касающиеся отношения к учебным предметам: «Старайся больше читать классиков. Читай только такие классические произведения, которые предназначены для детей школьного возраста и могут служить духовной пищей как для твоего ума, так и для сердца» [Там же: 86].

Как мудрый педагог, священник рассказывал ребенку о важности выработки *системы подготовки*, особенно в тех случаях, когда предметы усваиваются сложно: «Все трудности, встречающиеся на твоём пути при изучении математики, сейчас же необходимо начать устранять следующим образом: а) серьезно и вдумчиво каждый день упражняться по этим предметам дома, конечно, самостоятельно, всячески стараясь понять внутреннее содержание каждого урока, а не запоминать его механической зубрежкой; б) при разборе непонятных мест, после безуспешных личных напряженных усилий, необходимо прибегать к посторонней помощи: 1) к помощи педагога (к нему надо обращаться как можно чаще, во время объяснения уроков и в другое свободное время); 2) к помощи учащихся старших классов, хорошо знающих и любящих данный предмет; 3) к помощи своих родных, конечно, если они в силах будут оказать ее тебе; 4) "повторение — мать учения".

Все пробелы в своих знаниях по математике нужно немедленно ликвидировать, так как в старших классах будет еще труднее одолевать ее (алгебру, геометрию, тригонометрию). Эту науку надо так же любить, как и другие. Она приучает нас к правильному (логическому) мышлению и рассуждению» [Там же].

Отец Иоанн говорил и о важности познания иностранных языков: «Все языки — при их серьезном изучении — требуют ежедневного (систематического) занятия ими по 1–2 часа, а не урывками, как это делают некоторые легкомысленные учащиеся. Если будешь открывать книгу — учебник иностранного языка — только на несколько минут дома, да еще с принуждением, или в школе за 10–15 минут до начала урока, тогда, конечно, никогда не научишься владеть иностранным языком. Прежде всего, надо каждый день упражняться в чтении, чтобы уметь правильно читать и произносить

иностранные слова, а потом уже запоминать грамматические правила» [Там же: 87].

Он писал и о таком важном аспекте психологии самообразования: «У большинства учащихся, начиная с первых классов II ступени, появляется склонность к разделению всех преподаваемых в школе предметов на любимые и нелюбимые, на важные и неважные. А поэтому, по своему легкомыслию, они начинают одними из них чрезмерно увлекаться, а другим совсем не уделять никакого внимания. Ты так не поступай. Особая склонность к тому или иному изучаемому предмету, конечно, естественна и допустима, но безрассудное деление всех преподаваемых предметов на нужные и совсем ненужные свидетельствует о легкомысленном отношении к науке» [Там же].

Наконец, он наставлял: «Для общего развития ума человека все является важным и необходимым из того, что содержит в себе истинная наука, приближающая нас к еще большему познанию Премудрости Божией. Дивны дела Твои, Господи! Слава Богу за все!» [Там же].

В условиях лагерной жизни у отца Иоанна было совсем немного времени для душеспасительных бесед, но он старался в каждом письме нести слово Божие. Его послания, все без исключения, отличаются не только житейской мудростью и разумными практическими советами, но и философичностью, полной погруженностью в духовный мир, высокой эмоциональностью. В них евангельские цитаты нередко пересекались с его сердечными отзвуками и надеждой быть услышанным:

«Дети Божии! Воскресшаго из гроба в третий день по писанию Иисуса Христа, Сына Божия, расторгнувшего узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его, как имеющего жизнь в Самом Себе, Ангели непрестанно поют на небесах, а все живущие на земле хр[истия]не, как начальника жизни наша (времен[ная] и вечная), чистым сердцем всегда Его славят. <...>

Христос воскрес! Спаситель наш действительно умер и воистину воскрес из мертвых.

Ап[остол] Павел говорит: *Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша* (1 Кор 15, 14). <...>

Блаженны, по словам Самого Господа, все не видевшие Его, но уверовавшие в Него. А пр[орок] Д[авид] воскликнул: *Блажен народ, у которого Господь есть Бог* (Пс 143, 3); *ибо Велик Господь и достохвален, и величие Его неизследимо* (Пс 144, 3). <...>

Все эти изречения Св[ященного] Писания приведены мною для того, чтобы вы, милые мои друзья и другини, пребывали верными и непоколебимыми до конца своей жизни в истине Воскресения Христа, на которой зиждутся все наши хр[истианские] верования и упования. <...>

Свое поздравление со Святым Праздником всех нас, мои дорогие друзья и другини, аз скудоумный, для вашей д[уховной] пользы, позволю себе закончить изречениями, заимствованными из посланий ап[остола] Петра: *Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения* (1 Фес 5, 8); ... *Мы сделались причастниками Христу, если только начатую жизнь твердо сохраним до конца* (Евр 3, 14); *Для сего примите всеоружие Божие, дабы мы могли противостать в день злый и, все преодолевши, устоять* (Еф 6, 13). <...>

Бог мира и любви да пребудет со всеми вами!

Воистину Христос воскрес! Аминь» [Там же: 202–207].

Это объемное письмо (с. 202–208) показывало отца Иоанна как вестника духовной радости и любви, стремившегося всем своим сердцем передать близким любовь¹ к свету воскресшего Христа.

Еще одна особенность писем отца Иоанна заключается в том, что они содержали немало мудрых мыслей, афористических выражений — ту самую словесную «крылатику», которая исходит от особенных людей, озаренных свыше. Отмеченная черта его писательской манеры является характерной особенностью авторского идиостиля отца Иоанна. Причем он излагал это очень просто, в доступной языковой форме, несколько переиначивая библейские выражения, делая их понятными и даже необходимыми для общежития. Вот некоторые афористические высказывания отца Иоанна:

«Лучше быть терпеливым, чем высокомерным. Лучше быть всегда готовым к прощению всяких обид людям, чем быть духом своим поспешным на гнев против них. Внутренний душевный покой обретается только смирением и кротостью» [Там же: 65].

¹ Заметим, что в современной литературе по психологии это понятие часто соотносится с культом любви к себе, что «имеет мало общего с христианским учением...» и приводит к искажению нравственных представлений (см. об этом подробнее: [Леонов 2025: 43]). Отец Иоанн всегда в своих письмах и поступках следовал заповедям Божиим: он говорил о любви как о преображении души ближнего человека.

«Творить добрые дела — наш хр[истианский] долг, но расточительность не может являться богоугодн[ым] делом» [Там же: 158].

«Все добрые дела должны совершаться по мере сил, только тогда они будут угодны Богу и на пользу ближнему» [Там же].

«Всегда помните, как послушные дети, о том, что Бог наш — Человеколюбец, как мы все Его называем, а поэтому и человек должен быть Боголюбцем» [Там же: 191].

«Излишние заботы о теле — излишнее бремя для души и духа, устремлен[ного] к Богу и ищущего соединения с Ним» [Там же: 213].

«Всегда надо помнить о том, что при отсутствии должной любви к ближним ничто не может быть угодным Богу. Поэтому всемерно старайтесь искренно любить друг друга, дабы каждое совершаемое вами доброе дело являлось угодным Богу и приносящим пользу вам» [Там же: 226].

Благословляющий тон писем отца Иоанна, живая человеческая радость, исходящая из его наставлений и «обычных» мыслей вслух, сердечные напутствия и пожелания являются неотъемлемой частью его удивительной, неповторимой языковой личности. Не раз в посланиях он пропитывал души своих чад такими речами, как будто видел воочию духовных детей: «Бог мира и любви да будет всегда среди вас (в другом письме: нас. — О. Н.), утешая вас и преисполняя сердца ваши (скорбные) любовью друг ко другу и ко всем!

Будьте здоровы! Не забывайте молиться обо мне, недостойном. Храни вас всех Господь!» [Там же: 66].

В следующем послании он говорил: «Милость Божия да будет со всеми вами. Господь да исполнит и преисполнит вас любовью друг ко другу и ко всем. Утешайте друг друга, продолжайте жить тихо, делать свое дело и работать своими собственными руками, чтобы никогда и ни в чем вам, с Бож[ией] помощью, не нуждаться» [Там же].

Эта фраза *Бог мира и любви да будет всегда...* в разных вариантах часто возникала в письмах отца Иоанна и стала своего рода идиостилевым маркером эпистолярия священника, символом его словесной проповеди, обращенной не только к авторам посланий, но и ко всем христианам, так же, как и *Буди, Господи, буди!*

У отца Иоанна есть и свои характерные выражения и слова, которые он часто повторял в письмах: «Благодарность за все-все доброе» [Там же: 68], «всех-всех, помнящих обо мне, благословляю» [Там же: 70], «Спаси

всех нас, Многомилостивый Господи, за все-все!» [Там же: 83], «прости-те меня многогрешного за все-все» [Там же: 84], «Всех-всех приветствую и благословляю» [Там же: 94]. Славянизмы, которые он употреблял, явно контрастировали с воровским жаргоном и инвективами — ими был пропитан воздух ГУЛАГа. Такие ласковые слова возникали как праздник, они возвышали дух, умиротворяли, приобщали к культуре поведения: *благодаяние, всескорбящее сердце, благополучие, любите во Христе, да утешит Вас Господь, упование на Всевышнего, благословляю, человеколюбец, Промыслитель, Творец* и др. Это еще одна особенность идиостиля духовного подвижника.

Для отца Иоанна были значимы не только филологический смысл славянизмов, но их рефлексия в контексте общения с духовными детьми, когда «обычная» семантика текста обретает высокое религиозное звучание. С помощью такой лексики священник возвещает смертным людям о радости встречи с Христом, о любви Богоматери и о главном празднике, который, как выразился узник, начинается двумя «изумительными словами»: «Радуйтесь!» Обнимая всех-всех вас <...> духом и любовью, мои дорогие, поздравляю со светозарным днем Св[ятог]о Хр[истова] Воскр[есен]ия и, целуя вас св[ятым] целованием (мира и любви), произношу, с глубоким чувством веры и д[уховной] радости, два изумительных слова пасх[ального] приветствия: «Христос воскрес»...» [Там же: 137]. Томившийся в заключении священник понимал силу этого чуда: «Слово Божие — слово уст Бож[ественных], которое — как высочайший Его дар нам ради нашего спасения чрез Пророков и Апостолов посланный, — люби, как и Самого Бога» [Там же: 202].

В письмах отца Иоанна встречается формула речи «недостойный иерей», которой он завершал послания, подавая пример смирения духовным детям и всем христианам. Один раз он назвал себя «убогим узником» [Там же: 155] и *в изгнании сущим* [Там же: 207]. Милостивый батюшка всегда благодарил близких за «постоянные теплые молитвы и заботу» [Там же]. Они действительно утешали и ободряли его во время заключения. В канун Рождества 1953 г. он торжествовал: «Спешу, другини мои, поделиться с вами и своею духовною радостью, которой меня удостоил Сам Господь. В этом году, впервые за время моего пребывания в изгнании, я имел возможность — хотя отчасти — встретить великий Праздник Р[ождества] Хр[истова] в более подобающей обст[анов]ке, которая возможна

в услов[иях] лаг[ерной] жизни» [Там же: 193]. И действительно, это чудо совершилось в Каргопольлаге: после барачных нар ему дозволили жить отдельно, в землянке, где отец Иоанн получил возможность уединенно молиться и приспособил это место под Божию келью².

Важно, что отец Иоанн и в ссылке продолжал учиться³. Среди его насущных потребностей были книги (русско-французский словарь, учебник латинского языка, Библия, Евангелие, «Чинопоследование Божественной литургии» А. И. Георгиевского⁴, «Краткий курс церковной истории» П. И. Малицкого⁵, Богословско-энциклопедический словарь⁶, «Проповеди Юбиляра»⁷ и др.) и «Журнал Московской Патриархии». Он просвещал себя и делился радостью нового знания с близкими по духу людьми: «Книга П. К. Козлова “В азиатских просторах”⁸ мною также получена. Эта книга

² Ср.: «В годы заключения у о. Иоанна был опыт молитвы внутренней и молитвы духовной...» [Сержантов 2025: 65].

³ Он не успел окончить Московскую духовную академию и «на одном из последних допросов просил... дать ему возможность завершить обучение, а после удалиться в Почаевскую лавру» [Андрей (Коротков) 2023: 381].

⁴ Георгиевский Алексей Иванович (1904–1984) — богослов, филолог и церковный деятель. Заслуженный профессор Московской духовной академии. Автор многочисленных работ, опубликованных в «Журнале Московской Патриархии» в 1951–1984 гг. Здесь упоминается его книга «Чинопоследование Божественной литургии. Краткое литургико-практическое пособие для учащихся духовных семинарий» (М., 1951).

⁵ Малицкий Павел Иванович (1851–1919) — историк Русской Церкви и богослов, автор статей и книг на историко-краеведческие и богословские темы. Здесь имеется в виду его работа «Руководство по истории Русской Церкви» (СПб., 1898).

⁶ Возможно, имеется в виду «Полный православный богословский энциклопедический словарь» (Т. I–II. СПб., 1913).

⁷ Так в письмах отец Иоанн (Крестьянкин) называл митрополита Николая (Ярушевича) (1891/1892–1961) — митрополита Крутицкого и Коломенского, первого председателя Отдела внешних церковных сношений (1946–1960) Московской Патриархии, которому в 1951 г. исполнилось 60 лет (встречается и другое величание владыки — Дедушка). Проповеди были включены в его книгу «Слова и речи (1947–1950 гг.)» (т. II. М., 1950).

⁸ Козлов Петр Кузьмич (1863–1935) – путешественник, этнограф, археолог, исследователь Монголии, Тибета, Восточного Туркестана. Ученик Н. М. Пржеваль-

очень интер[есная], занимательная и полезная. Многие другие научн[ые] книги хотелось бы иметь — для повторного чтения — при себе, но из-за отсутствия достат[очного] к[оличества] своб[одного] времени и места для их хранения приходится отказывать себе в этой скромной потребности» [Там же: 104]. В письме от 27 января 1952 г. отец Иоанн упомянул «одного филолога», для которого просил выслать «самую элементарную Славянск[ую] азбуку и краткий (маленький) словарь» [Там же: 125]. В послании своим духовным детям от 4 декабря 1950 г. он просил ускорить высылку ему «Иллюстрированной истории» и Большого академического словаря⁹ [От сердца к сердцу 2015: 37].

Отец Иоанн (Крестьянкин) содержался в Каргопольлаге три года. Весна 1953 г. многим узникам ГУЛАГа принесла надежду на освобождение. Последнее из датированных писем этого периода относится к 11 августа. А «дальше путь его лежал не на свободу, как все ожидали, а в инвалидный лагерь в окрестностях города Куйбышева» [Иоанн (Крестьянкин) 2023а: 216]. Он провел в дороге с севера на юг десять дней, и с сентября 1953 г. находился в Гавриловой Поляне — так назывался новый лагерь¹⁰ [Там же: 221–222]. За строками, как всегда, ободряющих писем («Новое место, куда я прибыл вчера, — писал он 22 сентября, — по природным и климатическим условиям значительно лучше» [Там же: 223]) оставались нелюбимые подробности, о которых рассказывает другой узник этих мест — писатель А. Э. Краснов-Левитин: «Сюда присылают инвалидов абсолютно неработоспособных. Две больницы; туберкулезники, блатные; один так называемый полустационар, где обретаются эпилептики, кретины, старики под восемьдесят лет. В бараках инвалидов — тоже старики, по 58-й статье, выражаясь по-лагерному — “доходяги”. Лагерь заброшенный. Почти не кормят. Никаких удобств» [Там же]. Отец Иоанн и там не падал духом и полагался на Промысл Божий. В кратких репликах о себе все то же: «Не беспокойтесь», «Слава Богу за все-все! Здоров. Все обстоит благополучно.

ского. Его книга «В азиатских просторах» (М., 1947) рассказывала о жизни и деятельности Н. М. Пржевальского.

⁹ Очевидно, имеется в виду «Словарь современного русского литературного языка» (=БАС), первый том которого вышел в 1948 г. В «Письмах из заключения» он назван «Б–Д словарь» [Иоанн (Крестьянкин) 2023а: 55].

¹⁰ Ныне на том скорбном месте находится скит святого праведного Иова Многострадального.

Приветствую всех, всех поименно» [Там же: 224], «Обо мне не беспокойтесь. Не унывайте! Бодрствуйте! <...> На Волгу люблюсь ежедневно, конечно, издали» [Там же: 225]. В Гавриловой Поляне отец Иоанн находился еще полтора года.

Освобождение батюшки, о чем рассказывается в следующей главе книги, произошло «в неявности», как предсказал старец игумен Иоанн (Сokolov) близким «сидельца» [Там же: 261]. Было еще письмо сестры отца Иоанна Т. М. Крестьянкиной генеральному прокурору СССР от 12 марта 1954 г., написанное за два дня до ее кончины, с просьбой «пересмотреть его дело». И стандартный ответ властей о том, что «приговор Крестьянкину И. М. оставить без изменения» [Там же: 263].

О последних месяцах пребывания отца Иоанна в инвалидном лагере в Гавриловой Поляне в Куйбышевской области и обстоятельствах выхода из духовного плена рассказывают заключительные страницы «лагерного эпистолярия». Третья глава так и называется — «Освобождение». И здесь в судьбе священника не обошлось без чуда. По воспоминаниям Т. С. Смирновой, «незадолго до праздника Сретения Господня отцу Иоанну “явился преподобный Серафим Саровский. Он, именно он в свое время прикровенно открыл иерею Иоанну о грядущем заключении, теперь же он открыто сказал ему о готовящемся радостном изменении в жизни, об освобождении. “Будешь свободен”, — произнес святой старец и скрылся”» [Там же: 265]. Итак, «15 февраля 1955 года, в день праздника Сретения Господня, отец Иоанн был освобожден по амнистии на два года раньше срока» [Там же]. Его эпопея завершилась торжеством Духа Святого!

В финальной части книги публикуется очерк В. Р. Кабо «Свободный дух». Он посвящен отцу Иоанну и дает правдивый портрет старца. Владимир Кабо познакомился с ним в Каргопольлаге, куда попал со студенческой скамьи, учась на историческом факультете МГУ. Впоследствии он стал известным этнографом, написал автобиографическую книгу «Дорога в Австралию»¹¹. Первое же впечатление от встречи с необычным человеком осталось в памяти юноши на всю жизнь: «Я навсегда запомнил, как он шел

¹¹ Кабо Владимир Рафаилович (1925–2009) — этнограф, историк, религиовед, исследователь первобытной материальной и духовной культуры аборигенов Австралии. Репрессирован в 1949 г. В 1950 г. находился в Каргопольлаге. В 1990 г. эмигрировал в Австралию. Автор книги «Дорога в Австралию: воспоминания» (New York, 1995; М., 2008).

своей легкой стремительной походкой — не шел, а летел — по деревянным мосткам в наш барак в своей аккуратной черной куртке, застегнутой на все пуговицы. И обликом, и поведением он резко отличался от остальных заключенных. У него были длинные черные волосы — заключенных стригли наголо, но администрация разрешила ему их оставить, — была борода, в волосах кое-где блестела начинающаяся седина. Его бледное тонкое лицо было устремлено куда-то вперед и вверх. Особенно поразили меня его глаза — вдохновенные глаза духовидца. Он был чем-то похож на философа Владимира Соловьева, каким мы знаем его по сохранившимся портретам» [Там же: 276, 278]. В. Р. Кабо назвал отца Иоанна «необыкновенным человеком», который «обладал способностью привлекать людей, возбуждать к себе любовь. И это потому, что он сам любил людей» [Там же: 279]. Самая главная черта его облика, по мнению автора очерка, заключалась в следующем: «Любовь к Богу и к людям — вот что определяло все его поведение, вот о чем говорил он весь, летящий, устремленный вперед» [Там же]. И добавлял: «Он не был "проповедником". Через него действовала божественная сила. Вот почему он как бы весь светился...» [Там же: 280]. Еще одно свойство отца Иоанна подметил В. Р. Кабо: «Достоинство человеческой личности было для него высшей ценностью» [Там же]. Потому, наверное, его ревностное *служение Богу*, призывы к кроткой любви, смирению и послушанию являлись тем ориентиром нравственной жизни, в котором нуждался любой смертный. Словесные утешения отца Иоанна приносили в мир страстей спокойствие и любовь. При этом в душевном складе пастыря «было чувство юмора, любовь к шутке. К шутке, лишенной язвительной насмешки, сарказма. Его шутки никого не задевали, не обижали. Эта черта вообще свойственна людям душевно чистым» [Там же: 281].

Мы, конечно же, обратили внимание на особенный почерк священника — столь выразительный и неповторимый, что мимо этой графической иконописи пройти невозможно. Вспоминаются картинки древнерусских писцов, выводивших каллиграфическим почерком свои яти и омеги и ни при каких условиях не отступавших от правил. Вот и «летописный» почерк отца Иоанна необычен. Его нельзя не сравнить ни с кем. В нем также проявился идиостиль исповедника. Чувствуется, что он и здесь работал неспешно, с разумением, аккуратно, изыскивая в полутемноте барака свободную минутку для общения с близкими и исповеди. Он подобен мастерам рукописного искусства. Есть в нем что-то от древнерусских

книжников: строгость мягких округленных линий, почти геометрическая соразмерность букв, ровные строки, свой неповторимый стиль, не менявшийся десятилетиями. Каждый символ *живой*: он звучит, по спирали раскрывая силу и красоту. Обращенный ввысь росчерк над буквами «Б» (Бог), «Г» (Господи), «Т» (Творец) венчает земное слово и обращает его в небесное. Отец Иоанн по-своему «неправильно» вырисовывал «с», как греческую сигму, «я» на длинной «трости», необычное *ы*, пузатое *ж*, *т*, протягивающее «хвостик» к следующей литере... В начале послания при обращении «Дорогие мои!» буква «Д» приобретала художественные черты своими «завитушками» — он как будто создавал летопись, в которой зачин имеет особый смысл. А каждый знак — произведение искусства и дисциплина духа Божиего зодчего. Эта лагерная каллиграфия показывала сосредоточенность священника на словах. Они должны быть не только осознанными, но и эстетически красивыми, значит — богоугодными. Примечательно, что расстояние между ними одинаковое, чтобы ясно было читать и разглядывать каждое слово, *размысливать* его, не пропуская ничего важного. В эпистолярии почти нет исправлений. Самые главные слова и фразы он подчеркивал (Фото 3).

Исповеднический, ласковый тон писем отца Иоанна, преисполненных христианской любви, «лицеприятия», кротости, житейской простоты и мудрости, не может оставить равнодушным читателя, даже слабо знакомого с историей Русской Церкви XX в. Она вся в таких сокровенных посланиях, в междустрочии пауз и сосредоточенно-подробных бытовых картинках. В них-то и раскрывается облик смиренного батюшки-утешителя. Иногда лирическое мирозерцание вдруг вырывалось из измученной, но светлой души священника, и он почти как писатель восклицал: «В один из дней я был в лесу. О, как там хорошо и прекрасно летом! Велика и непостижима премудрость Творца. Слава Ему за все, все!» [Там же: 101]. Природа для отца Иоанна была Божиим даром. Он делился своей радостью с ближними: «Ухаживая за цветами и любуясь их красотой, еще больше познаешь премудрость Творца, любящего и утешающего каждого из нас грешных везде и всюду» [Там же: 160]. В другом письме он сообщал, что отправил своим родным и близким гербарий из цветов. «А теперь посылаю Вам последние цветочки — анютины глазки — только что сорванные мною с клумбы, на которой только они одне доживают свои последние дни в этом году. По Бож[ию] повелению все цветочки нас очень утешили» [Там же: 175].

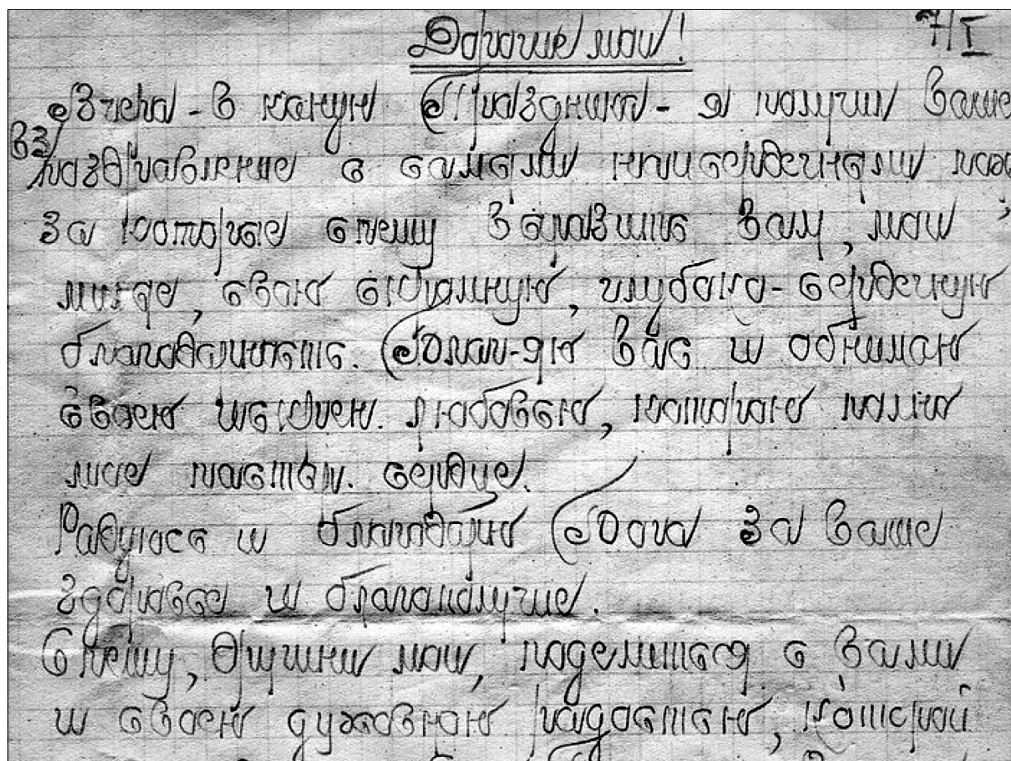

Фото 3

Письмо отца Иоанна (Крестьянкина) из Каргопольлага
духовным детям. 1951

Он всегда по памяти цитировал самые важные слова, сопровождая их своим дыханием речи, в котором и сила, и свежесть ума, и великая вера. Мы бы даже сказали, что отцу Иоанну свойственна особая «философия целостности», выраженная в гармонии языковых и стилистических средств текстов его писем, наполненных светом, добром, любовью и каким-то неземным воодушевлением от Него. «Веруйте и молитесь! Бодрствуйте и трезвитесь! Зло побеждайте любовью, а земные горести — долготерпением! Бог — наше прибежище и сила! Только на Него будем уповать и Им же спасаться. Он с нами всегда. И стоит у сердца каждого из нас, недостойных, и тихо-тихо стучится в него. Он произносит следующие слова: "Не бойся, дитя Мое, это Я — твой Небесный Отец, Спаситель, Заступник, Утешитель, пришедший выслушать все твои просьбы ко Мне, облегчить твои страдания, даровать тебе радость и утешение как идущему по стопам Моим. Ибо Я — бессмертный Бог, Который Своим Божественным всемогуществом

может исполнить всякое благое желание любого смертного человека, глубоко верующего в Меня» [Там же: 141].

«Письма из заключения» — это откровение. Перед читателем встает портрет «рядового» батюшки, который вроде бы занят решением бытовых проблем. Но с каким тщанием он молится за своих близких! И каждое его письмо превращается в своеобразный духовный канон: уходит в сторону повседневность, и над ней парят крылатые ангелы света...¹² Отец Иоанн вспоминал позднее: «В заключении у меня была истинная молитва, и это потому, что каждый день был на краю гибели» [Иоанн (Крестьянкин) 2023б: 113].

Несмотря на непростой контекст писем и жизненную драму, которую переживал отец Иоанн, его послания оставляют теплые впечатления. Посреди мрака архангельской тайги и жестокого мира людей, угнетения и потери самообладания облик русского священника как кормчего в мире страстей, вживлявшего веру в души своих чад, укреплявшего их молитвами, высок и миротворен. Каждое слово батюшки, его напутствие — «Будьте здоровы и Богом хранимы!» [Там же: 128] — преисполнены христианской любовью и благостью. Может быть, поэтому такие книги *просветляют*, а значит — делают нас лучше, чище, человечнее. Это своеобразный «круг чтения» мудрых мыслей. Вспоминаются здесь письма о. Павла Флоренского детям из ссылки. Сколько в них радости и веры, торжества человечности и любви [Флоренский 1992]. Таковы и «Письма из заключения» о. Иоанна (Крестьянкина) — Божиего странника, смиренного подвижника, молитвенника за Землю Русскую. «Всех помню и за всех мол[юсь]» [Иоанн (Крестьянкин) 2023а: 120], — говорил он духовным детям в годину тяжких испытаний. И часто завершал свои послания благодарностью «за память и заботы обо мне нед[остойн]ом», повторяя: «Пребывайте в истине и любви друг ко другу, и тогда Бог мира и любви да будет всегда со всеми вами!» [Там же: 112]. Молитву отец Иоанн называл «величайшим художеством» и призывал «обращаться к Богу почаше»: «Не устами, а сердцем; не в храме только или дома пред образами, а занимаясь делами своего звания» [Иоанн (Крестьянкин) 2014: 221–222].

Его духовный облик с годами не меркнет. Отец Иоанн где-то совсем рядом — с нами. Он исцеляет и оживляет. Он укрепляет нас, грешных, и по-

¹² Читателям мы можем порекомендовать ознакомиться и с другими письмами, см.: [Письма 2013; Иоанн (Крестьянкин) 2023б].

казывает путь очищения. Мы видим чудодейственную силу слова, идущую от ласкового письма всероссийского батюшки, не покорившегося судьбе и завещавшего нам нести крест веры до конца. Значит, эта *исповедальная* книга для всех нас. Ее, конечно, стоит прочитать и школьникам, и семинаристам, и богословам, еще многим и многим, чтобы не очерствели наши сердца и воссияли от лампадки отца Иоанна.

Никогда не унывая, обогревая души людей искренней верой, сердечной лаской, участливой помощью и молитвой, он снова и снова смиренно возглашал: «Слава Богу за все, все!» Теперь пора и нам сказать: «Милостивый батюшка отец Иоанн, спасибо Вам за все!»

Литература

Андрей (Коротков), иером. Исповеднический подвиг архимандрита Иоанна (Крестьянкина) по материалам следственного дела Центрального архива ФСБ России // Христианское чтение. 2023. № 3. С. 378–386.

Иоанн (Крестьянкин), архим. Проповеди Великого поста. Москва : Правило веры, 2014. 180 с.

Иоанн (Крестьянкин), архим. Письма из заключения / сост. Анастасия Горюнова. Москва : Вольный Странник, 2023а. 288 с. : ил.

Иоанн (Крестьянкин), архим. Письма разных лет / сост. Анастасия Горюнова. Москва : Вольный странник, 2023б. 592 с.

Леонов В. А., прот. Любовь к себе на пересечении богословского и психологического дискурсов // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2025. № 2 (14). С. 19–49.

От сердца к сердцу. Письма архимандрита Иоанна (Крестьянкина) / сост. Т. С. Смирнова. Москва : Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2015. 325 с.

Письма архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Симферополь : Изд-во Шпатакова «Родное слово», 2013. 544 с.

Сержантов П. Б., свящ. Есть ли основания считать исихастом архимандрита Иоанна (Крестьянкина)? // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2025. № 2 (14). С. 50–71.

Смирнова Т. С. «Память сердца». Материалы к биографии архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Псков : Псковско-Печерский Свято-Успенский монастырь, 2015. 328 с.

Флоренский П., свящ. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание / предисл. и коммент. игумена Андроника (Трубачева). Москва : Московский рабочий, 1992. 560 с.

References

Andrei (Korotkov), ierom. [The Confessor Way of Archimandrite Ioann (Krestyankin), based on the Materials of the Investigative Case of the Central Archive of the FSB of Russia]. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading]. 2023, no. 3, pp. 378–386. (In Russ.)

Ioann (Krestyankin), arkhim. *Propovedi Velikogo posta* [The sermons of Lent]. Moscow, Pravilo very Publ., 2014. 180 p.

Ioann (Krestyankin), arkhim. *Pis'ma iz zaklyucheniya* [Letters from the exile] / comp. by Anastasia Goryunova. Moscow, Vol'nyj Strannik Publ., 2023a. 288 p., ill.

Ioann (Krestyankin), arkhim. *Pis'ma raznykh let* [Letters from different years]. Comp. By Anastasia Goryunova. Moscow, Vol'nyj Strannik Publ., 2023b. 592 p.

Leonov V. A., prot. [Self-love at the intersection of theological and psychological discourses]. *Sretenskoe slovo* [Sretensky Word]. Moscow, Sretensky Theological Academy Publ., 2025, no. 2 (14), pp. 19–49. (In Russ.)

Ot serdtsa k serdtsu. Pis'ma arkhimandrita Ioanna (Krestyankina) [From heart to heart. Letters by Archimandrite Ioann (Krestyankin)]. Comp. By T. S. Smirnova. Moscow, Pskovo-Pechersky Svyato-Uspensky monastyr' Publ., 2015. 325 p.

Pis'ma arkhimandrita Ioanna (Krestyankina) [Letters by Archimandrite Ioann (Krestyankin)]. Simferopol', "Rodnoe slovo" Shpatakova Publ., 2013. 544 p.

Serzhantov P. B., svyashch. [Is there any reason to consider Archimandrite Ioann (Krestyankin) a hesychast?]. *Sretenskoe slovo* [Sretensky Word].

Moscow, Sretensky Theological Academy Publ., 2025, no. 2 (14), pp. 50–71.
(In Russ.).

Smirnova T. S. *"Pamyat' serdtsa". Materialy k biografii arkhimandrita Ioanna (Krestyankina)* [Memory of the heart. Materials to biography of Archimandrite Ioann (Krestyankin)]. Pskovo-Pechersky Svyato-Uspensky monastyr' Publ., 2015. 328 p.

Florensky P., svyashch. *Detyam moim. Vospominaniya proshlykh dnei. Genealogicheskie issledovaniya. Iz solovetskikh pisem. Zaveshchanie* [To my children. Memories of the past days. Genealogical research. From the Solovetsky letters. The will]. Ed. and comm. by hegumen Andronik Trubachyov. Moscow, Moskovsky rabochy Publ., 1992. 560 p.